

Владимир МИНИН:

«МЫ НЕ ПОЕМ «ВЕЧЕРНИЙ «БОМ»

Прод. — 1998 — 16 авг. — с. 5

Московскому академическому камерному хору под управлением Владимира Минина недавно исполнилось 25 лет. И хотя официальные празднества состоятся в конце года, поговорить с его руководителем захотелось сейчас. Тем более что представилась такая возможность — хор разъезжает, участвуя вместе с другими коллективами в юбилейном концертном турне Иосифа Кобзона. Разговор состоялся в Харькове, одном из ста городов нынешней «кобзоновской» кругосветки.

— Владимир Николаевич, ваша гастрольная география и творческий успех не уступят, думаю, популярности Кобзона — мастера песенного жанра. Не обидно ли идти, да еще накануне собственного праздника, «вторым номером программы»?

— Почему же? Мы сегодня привыкли работать на заказ. Государство не в состоянии обеспечить нас финансово. Мы часто даем концерты, доход от которых является доплатой к мизерным ставкам артистов.

Репертуарную политику нам Иосиф Давыдович тоже не испортил. Русские песни поем давно, а духовную музыку, наоборот, Кобзон поет недавно. Вот мы ему и помогаем.

— То есть речь не идет о каком-либо компромиссе со стороны хора?

— Ничуть. Тот проект, который потребовал бы от нас снижения творческой планки, мы попросту отвергли бы. А вот попробовать что-то новое всегда интересно. Особенно если это расширяет профессиональные возможности коллектива. Был период, когда я не отваживался подступить к своему хору, например, к «Реквиему» Моцарта. Но вот итальянцы нас к этому подтолкнули. Результатом остались довольны все. Французы же заказали «Всенощную» Рахманинова. Изумительная музыка. Я прежде тоже не решался взяться за эту партитуру. Там требуется большая масса голосов — у нас их в наличии не более сорока. Однако такой заказ — просто мечта. Для его выполнения мы не только день и ночь репетировали, но и пригласили дополнительный состав. И, представьте, получилось.

— Мне кажется, что не любой хорист подошел бы вам даже в дополнительный состав. Кстати, за эту четверть века ваш коллектив не раз обновлялся. Может быть, поэтому и звучит по-прежнему свежо.

— У нас есть ветераны, работающие со дня основания хора. А основная часть менялась уже дважды или трижды. И не только из-за возраста. Кто-то нашел для себя работу лучше или проще. У нас ведь нагрузка большая, надо много репетировать, постоянно быть в форме. Я очень не люблю нерадивых, сразу с ними расстаюсь. И совсем не обижаюсь, когда меня за это называют «крокодилом».

— А что еще необходимо вашим артистам, кроме трудолюбия? Ведь безголодые к вам не приходят...

— «Инеродное тело» в хоре различить с первого раза не всегда возможно. Мы требуем от хоровых певцов определенной манеры пения и тембральной окраски, чтобы не было «пестроты». Пение в хоре — это не просто «выдувание» звука, чем часто грешат профессиональные исполнители. Бывает, что с ремеслом вроде все в порядке, а понять, о чем идет речь в произведении, певец не может, «подтекста» музыки не чувствует.

Поэтому прослушивание канди-

дата в наш хор — это только первый этап. Если подходят объективные данные, он может поработать месяц и даже год, пока выяснятся степень отдачи, совместимость характеров в коллективе, умение реагировать на художественный замысел дирижера. Если что-то не получается, мы благодарим артиста и расстаемся с ним. Тут ничего не попишешь.

— Есть ли у вас любимый композитор? Или их несколько?

— Есть и были такие авторы в разные времена и в разных жизненных ситуациях. Иногда, казалось, слушал бы только Бетховена, в другом случае предпочел бы Рахманинова, в третьем — Мусоргского. Пожалуй, это и есть самые любимые. Вообще я думаю, что существует верхний слой музыкальной культуры. Есть, разумеется, и нижний. Важно их не путать и, главное, не «взбивать коктейль» — это, образно говоря, невкусно, а точнее, безвкусно. А многие певческие артели берутся петь все что угодно. Тогда как даже в духовной музыке есть и художественные шедевры, и просто обиходные, ритуальные вещи.

— Вы ратуете за строгий вкус, художественную взыскательность. А всегда ли для вас был достаточно просторен избранный жанр камерного хорового музицирования?

— Очевидно, нет. Нельзя же всю жизнь ходить только в лаковых туфлях. Да я и не ходил. За спиной и армейский ансамбль, и молдавская «Дойна», и Ленинградская капелла, и Госхор, которым когда-то дирижировал А.Свешников, мой наставник.

— У вас не получилась работа сразу с двумя коллективами. В чем причина?

— Два года я совмещал художественное руководство хором Свешникова и камерным. Но, во-первых, тогдашнее Министерство культуры не выполнило многих своих обязательств. Во-вторых, безвозвратно ушло то время, в которое были воспитаны певцы, привыкшие бисировать «Вечерний «бом» — так иронически мы окрестили популярный хоровой номер «Вечерний звон». А поскольку в тех же канонах, что и «Бом, бом...», пелись и другие произведения, а выходить из этих рамок большинство тогдашних «свешниковских» артистов не имело ни малейшего желания, то и моя дальнейшая работа показалась мне бесперспективной. Поэтому я оставил за собой только Камерный хор, где мог выразить свое отношение к музыке.

— Когда-то хоровое искусство считалось замечательным средством воспитания вкуса и слуха, особенно в школе. А сейчас в России что-либо делается в этом направлении?

— Да ничего не делается. И это, конечно, жаль. Ведь хорошее искусство — как правило, и хороший воспитатель. Но мы сами себя такого воспитания лишаем. Результаты, как говорится, налицо...

Беседу вел
Александр ЧЕПАЛОВ.
ХАРЬКОВ.